

Вернувшись в гостиницу, Сяо Кэ принялась обрабатывать раны Ван Сяои.

Вчера вечером та получила глубокий порез на левой руке, а сегодня — на правой. Рана оказалась куда серьезнее, и лишь на то, чтобы остановить кровь, ушла целая гора бинтов.

Условия здесь были ужасающие. Никакого обезболивающего, да и зашить рану, чтобы остановить кровотечение, они не могли.

Пока Сяо Кэ возилась с перевязкой, девушка не переставала плакать. Когда с ранами наконец удалось закончить, ночью её снова одолели жар и кошмары — Сяо Кэ всерьёз опасалась, что та не выкарабкается.

К счастью, к утру следующего дня температура наконец спала, за что можно было лишь возблагодарить небеса.

Сяо Кэ, всю ночь ухаживавшая за больной, так и не сомкнула глаз. Она ворчала себе под нос, обтирая тело девушки, и когда утром вышла из комнаты, под глазами у неё залегли глубокие тени.

Поскольку деревья уже были срублены и никаких особых дел на сегодня не предвиделось, Сюн Ци велел Сяо Кэ поесть и идти отсыпаться, а сам вместе с остальными принялся обсуждать дальнейший план действий.

— Конечно, нужно найти дверь, — Сюн Ци решительно хлопнул по столу. — Ключ у нас есть, найдем дверь — и сможем выбраться.

— Думаю, вы уже всё обыскали, — заметил Жуань Ланьчжу. — Нашли что-нибудь?

— Почти всё проверили, — ответил Сюн Ци, не сводя глаз с Жуань Ланьчжу. — Не заглядывали только в тот подземный ход, где были вы.

— Что ты имеешь в виду? — Жуань Ланьчжу рассмеялся. — Подозреваешь, что я обнаружил дверь, но решил скрыть это от вас?

— Нет-нет, что ты, — Сюн Ци замахал руками. — Я знаю, что вчера вы повели всех узнавать правду, это доказывает вашу честность. В вас я не сомневаюсь.

— Тогда в чем вопрос?

— Я хотел спросить, не нашли ли вы там, в подземелье, чего-то еще, кроме той картины?

— Нет.

Жуань Ланьчжу покачал головой:

— Кроме картины, там были лишь следы того, что в них кто-то жил, да одеяло, которое Хозяйка передала для своей дочери. Больше ничего.

Лин Цзюши сжал кулаки, раз за разом вглядываясь в лицо Жуань Ланьчжу, пытаясь понять: лжет тот или действительно ничего не нашел.

Честно говоря, он был в замешательстве. События развивались совершенно непредсказуемо.

Разве Жуань Ланьчжу раньше делился подсказками вот так запросто? Разве он не твердил всегда, что нельзя раскрывать найденные улики, пока не убедишься, кто перед тобой — друг или враг?

А вчера вечером, когда он спускался в колодец, — правда ли он нашел только картину? Или, как и в прошлый раз, обнаружил дверь, но умолчал об этом?

Но зачем ему скрывать местоположение двери, выставляя напоказ остальные находки?

Это слишком странно. Неужели он тоже вспомнил всё, что было раньше?

Лин Цзюши резко поднял голову и с нескрываемым потрясением уставился на Жуань Ланьчжу, на это лицо, в точности такое же, как в прошлом, на эту невозмутимую позу в кресле.

— Жуань... Жуань Байцзе, — голос Лин Цзюши дрожал. — Ты правда не нашел там дверь?

Жуань Ланьчжу повернулся и встретился с ним взглядом. В его глазах не дрогнул ни один мускул. Помолчав, он произнес:

— Нет. Я не нашел там двери.

— Ты не лжешь? — Лин Цзюши вскочил на ноги, ударил ладонями по столу и, глядя на Жуань Ланьчжу, почувствовал, как глаза наливаются кровью.

Жуань Ланьчжу, ты хоть понимаешь, что делаешь? Ты всё вспомнил? Скажи мне!

Скажи, что я не один помню всё! Ты ведь тоже помнишь!

Атмосфера в комнате мгновенно накалилась. Губы Жуань Ланьчжу дрогнули, брови слегка нахмурились, словно он собирался что-то сказать, но тут же плотно сжал рот.

Встретившись с этим полным отчаяния лицом, жаждущим ответа, Жуань Ланьчжу вновь превратился в незыблемую скалу. На его лице не осталось ни тени сомнения.

— Нет, — повторил он. — Правда нет. Юй Линлин, ты мне не доверишь?

Услышав этот ответ, Лин Цзюши поник. Его плечи заметно опустились.

Если Жуань Ланьчжу не лжет, значит, всё, что он делал, вызвало эффект бабочки. И теперь, подобно той руке Сяо Цзю прошлой ночью, дверь просто сменила своё местоположение.

— Эй, эй, тише, тише! Чего вы спорите? Давайте всё обсудим спокойно, — видя, что Жуань Ланьчжу стоит на своем, Сюн Ци забеспокоился и поспешил разрядить обстановку.

— Раз в подzemелье двери нет, остается только один вариант, — Сюн Ци усадил Лин Цзюши обратно и задумался. — Возможно, время для её появления ещё не пришло. Иногда двери ведут себя именно так: пока не наступит нужный момент, они остаются скрыты... Есть какие-нибудь идеи?

Лин Цзюши глубоко вздохнул, стараясь унять бушующие эмоции, и ответил:

— Если момент ещё не настал, значит, мы сами должны его приблизить.

— Приблизить момент? Как?

— Все в этой деревне, включая Хозяйку и Старейшину рода, бегут от правды, — Лин Цзюши подпер подбородок рукой, изучая узор на столе, и произнес низким голосом: — Бегство не решает проблем. Раз они так не хотят смотреть правде в глаза, мы заставим их это сделать.

Керосиновая лампа на столе подрагивала, отбрасывая блики на безупречно красивый профиль Жуань Ланьчжу.

Он молча наблюдал за тем, как Лин Цзюши объясняет свой план Сюн Ци, стараясь подавить невыносимую боль в голове.

Линлин, я помогу тебе во всем, что ты задумал. Я отвечу на все твои вопросы.

Только не сейчас. Линлин, сейчас ещё не время.

На самом деле, Жуань Ланьчжу начал вспоминать обрывки прошлого гораздо раньше, а вчера вечером к нему вернулись все воспоминания целиком.

Но цена за то, что NPC нарушает приказы Системы, была высока.

Всякий раз, когда он пытался открыть Лин Цзюши правду, голова начинала раскалываться, а Игра менялась.

Например, та дверь, что была в подземелье, просто исчезла у него на глазах.

Или Божество Двери, которое раньше лишь цеплялось волосами за лодыжку, теперь схватило его руками и не отпускало, даже когда в него бросили факел.

А только что, когда Лин Цзюши допрашивал его, над головой самого Жуань Ланьчжу зависла длинная, тонкая прядь волос, извивающаяся, словно живая водоросль.

Всего в двух метрах над его головой. Стоило ей опуститься и затянуться, как она задушила бы Лин Цзюши, точно так же, как когда-то Чжан Цзышуана.

Жуань Ланьчжу не нужно было поднимать голову, чтобы понять: Сяо Цзю сейчас притаилась на балке.

Один не входит в храм, двое не смотрят в колодец, трое не обнимают дерево, не прислоняйся к перилам в одиночестве — таковы были условия табу.

Как и позавчера, они не нарушили ни одного правила.

Но Божество Двери не только схватило его за лодыжку, вынуждая Лин Цзюши подойти ближе, чтобы спасти его, — она появилась среди бела дня, угрожающе нависая над Лин Цзюши.

Божество Двери охотилось вовсе не за жизнью Жуань Ланьчжу. Ей нужен был Лин Цзюши.

Или, вернее, не ей, а Ему — самой логике Игры.

Этими мелкими, но смертельно опасными изменениями Оно давало понять Жуань Ланьчжу: если он осмелится открыть правду Лин Цзюши, то нарушит запрет.

Тогда весь мир Игры ополчится против Лин Цзюши, и тот ни на секунду не окажется в безопасности.

Поэтому, хотел того Жуань Ланьчжу или нет, он не мог, он не имел права признаться, что тоже

всё вспомнил.

Цена нарушения запрета — это не только пытки для него самого, но и жизнь Лин Цзюши.

Логика Игры, словно молчаливый грабитель, приставила дуло к затылку Лин Цзюши, вынуждая Жуань Ланьчжу заковать самого себя в электронные цепи.

Он не смел пошевелиться. Он не мог послушаться.

Хотя каждый понимал: эти цепи удерживают Жуань Ланьчжу лишь на время.

Рано или поздно самый непредсказуемый NPC в этой Игре всё равно прорвется сквозь слои системных блокировок.

Точно так же, как его безумный возлюбленный, который в самый последний миг ворвался в Вход очищения, чтобы умереть вместе с ним.

<http://bllate.org/book/20699/2068587>